

Вплоть до самого недавнего времени наши знания о формах объединений у обезьян были весьма скудными. Основным объектом изучения были обезьяны в неволе. Об их поведении в естественных условиях было известно в основном лишь со слов местных жителей, охотников, путешественников. Систематические исследования почти полностью отсутствовали. С середины 60-х годов одна за другой начали появляться работы, в которых излагались результаты длительных и целенаправленных наблюдений за поведением значительного числа видов обезьян в природных условиях. Новые данные сделали действительно необходимым пересмотр ряда устоявшихся представлений.

Как правильно отмечено в статье Л. А. Файнберга, факты говорят о том, что формы объединений у обезьян зависят главным образом от условий существования. Единственной ассоциацией у обезьян, которая существует всегда и при всех условиях, является группа, состоящая из самки и детенышей. Выяснилось, что, вопреки распространенному мнению, половые отношения у обезьян не только не определяют структуру их объединений, но даже сколько-нибудь существенно не влияют на нее. Многие исследователи, в том числе автор этого отклика, придерживались взгляда на так называемую гаремную семью как на всеобщую и необходимую форму объединения у обезьян Старого Света вообще, у антропоидов в частности. Новые данные заставили нас отказаться от этого взгляда. Было установлено, что гаремная семья возникает как форма приспособления к экстремальным условиям существования. И, на наш взгляд, Л. А. Файнберг совершенно прав, когда считает, что ни гаремы, ни стада, состоящие из гаремов, не были той формой, из которой возникли объединения первых людей.

Однако с целым рядом положений, выдвинутых некоторыми зарубежными исследователями, а вслед за ними и Л. А. Файнбергом, согласиться, по нашему мнению, нельзя. Мы прежде всего имеем в виду утверждения о том, что у обезьян наблюдается зарождение матрилинейности и экзогамии. Начнем с экзогамии.

В качестве доказательства автор приводит данные, полученные в результате наблюдений в течение 13 месяцев над жизнью одной группы зеленых мартышек о-ва Лолуи. Не будем уж говорить о том, что материалы о жизни одной группы не могут послужить достаточной основой для выводов общего характера. Но приводимые Л. А. Файнбергом сведения не дают достаточных оснований даже для вывода о том, что в данной конкретной группе «преобладали экзогамные половые связи» (стр. 96). Оставим в стороне то обстоятельство, что экзогамия, по нашему мнению, предполагает не просто отсутствие половых связей внутри определенной группы, а запрет их, в результате которого члены данной группы вынуждены вступать в такие отношения только с членами других таких же групп. О существовании у обезьян каких-либо запретов, на наш взгляд, говорить просто невозможно. Обратим внимание лишь на тот факт, что разговор об экзогамных и неэкзогамных связях лишен всякого смысла, если не имеются в виду группы с постоянным, пожизненным членством.

А группы зеленых мартышек постоянством состава не отличались. Отдельные взрослые самцы то присоединялись к ним, то выходили из их состава. Какие же связи в них следует считать экзогамными и какие — неэкзогамными? Насколько можно судить по статье, Л. А. Файнберг считает неэкзогамными связи с самцом, который находился в группе в течение всего периода наблюдения, а экзогамными — связи с самцами, которые пришли в группу после начала наблюдения. Но можно

ли поручиться за то, что первый самец всегда входил в данную группу, а не присоединился к ней за несколько месяцев, недель, а может быть, и дней до начала наблюдения?

Конечно, нет. И все, что известно о зеленых мартышках, скорее говорит в пользу второго, а не первого предположения. На первый взгляд кажется, что это не только не опровергает положения, выдвинутого Л. А. Файнбергом, а, наоборот, подтверждает его. Ведь если все самцы пришли в стадо со стороны, то отсюда следует, что все связи в стаде экзогамные. Но об экзогамии какой группы идет в таком случае речь? Об экзогамии группы, включающей в себя взрослых животных лишь одного пола. Нетрудно понять, что словом «экзогамия» мы пользуемся здесь для обозначения того тривиального факта, что самки вступают в половые связи не друг с другом, а с самцами. Иначе говоря, это слово в применении к данной ситуации лишено всякого смысла. Может быть, мы найдем выход из положения, если договоримся обозначать как экзогамные связи между самцами и самками, родившимися в разных группах, а как неэкзогамные — между родившимися в одной группе? Но спросим, возвращаясь к рассмотренному примеру, можем ли мы с уверенностью утверждать, что два самца, пришедших в группу после начала наблюдения, не родились в ней. Конечно, нет. О том, в каком стаде родился каждый из пяти самцов, фигурирующих в данном примере, мы никакими сведениями не располагаем.

Несомненным фактом, установленным многими наблюдателями, является то, что для многих видов обезьян характерен постоянный переход взрослых самцов из одного стада в другое. Но применение для обозначения этого наблюдаемого в животном мире явления термина «экзогамия», возникшего в результате обобщения материалов, относящихся исключительно к человеческому обществу, лишено всякого смысла. Это только затемняет сущность изучаемого явления.

Еще хуже обстоит дело с шимпанзе. О какой экзогамии или даже тенденции к экзогамии у них может идти речь, если у этих обезьян единственная постоянная группировка — ячейка, состоящая из матери и детенышей? Что же касается всех остальных объединений, наблюдавшихся у них, то они крайне разнообразны как по составу, так и по численности. Одни из них состояли из нескольких самок с потомством, другие — из одних лишь взрослых самцов, третьи — из взрослых самцов и самок, а также нескольких подростков, четвертые — из животных всех возрастов и полов. Но отличительная черта всех этих объединений — их крайняя неустойчивость и временный, преходящий характер. Эти группировки непрерывно возникают, исчезают, раскалываются, сливаются. Животные переходят из одной группы в другую, а иногда некоторое время не входят в состав ни одной из них¹.

И неудивительно, что Л. А. Файнберг больше говорит о наличии у шимпанзе запрета инцеста, а не экзогамии. Эти два явления, как известно, далеко не тождественны. Запрет инцеста может существовать и без экзогамии. Примером может послужить современное общество. Запрет инцеста есть запрет половых связей между ближайшими родственниками. Поэтому он невозможен без осознания родственных связей между индивидами. И Л. А. Файнберг утверждает, что у шимпанзе существует учет родственных связей по линии матери, матрилинейность. Намерения у него, несомненно, самые благие: показать, что материнский род уходит своими корнями к животному миру. Но все его усилия не привели и, на наш взгляд, не могли привести к желаемому результату.

¹ V. Reynolds and F. Reynolds, Chimpanzees of the Budongo forest, «Primate behavior», N. Y., 1965; J. Goodall, Chimpanzees of the Gombe Stream reserve, Там же.

Все имеющиеся в распоряжении этнографии факты говорят о том, что родовая экзогамия возникла вовсе не в результате расширения запрета инцеста. Когда Л. А. Файнберг говорит о матрилинейности, он имеет в виду учет родственных отношений между индивидами. Такого рода «матрилинейность» наряду с точно такого рода «патрилинейностью» существует в современном обществе. Но она представляет собой явление, качественно отличное от родовой матрилинейности, материнской филиации. И все данные этнографии свидетельствуют о том, что вывести материнский род и материнскую филиацию из признания линии происхождения, связывающей человека с матерью, бабушкой и прабабушкой, невозможно. Материнский род возник и существовал задолго до того, как в человеческом обществе получило социальное признание индивидуальное родство. Вряд ли Л. А. Файнберг станет оспаривать тот факт, что описательные системы родства, отражающие отношения индивидуального родства, представляют собой явление, значительно более позднее, чем классификационные системы, знающие только групповое родство. И факты свидетельствуют о том, что групповой смысл классификационных терминов родства — исконный, первичный. Все попытки понять классификационные термины как результат расширения значения первоначальных, индивидуальных терминов оказались безуспешными. И если бы у обезьян действительно существовал, как считает Л. А. Файнберг, учет индивидуального родства, то это не только не пролило бы свет на генезис человеческих отношений, а, наоборот, столкнуло бы нас с новой загадкой.

Но в действительности никакой загадки тут нет. В силу особенностей как биологии, так и условий существования детеныши у шимпанзе остаются с матерью до шести — семи и даже иногда восьми лет, в то время как у других обезьян этот срок значительно короче (у горной гориллы три — четыре года, у низших обезьян два — три года). Вполне понятно, что столь длительный и тесный контакт не может не сказываться на дальнейшем поведении как матери, так и ее начавших самостоятельное существование отпрысков. Последние нередко обращаются к матери за помощью, присоединяются к ней на некоторое время. Даже сыновья, не говоря уже о дочерях, долгое время занимают подчиненное положение по отношению к матери². Вот собственно все основные факты. И употребление для обозначения этих связей терминов, возникших как отражение чисто человеческих социальных связей, ровным счетом ничего не может дать для их понимания. И вряд ли поэтому можно удивляться тому, что В. Рейнолдс, настаивая на важности родственных связей у обезьян, в то же время отмечает, что его собственные наблюдения над шимпанзе в природных условиях не позволяют ему ничего сказать об этих связях³. Он ссылается на работы Д. Гудолл, но последняя, описывая отношения у шимпанзе, не только ничего не говорит о роли родства у них, но и вообще избегает употреблять этот термин⁴.

И вообще В. Рейнолдс значительно менее категоричен в своих формулировках, чем Л. А. Файнберг. Если последний прямо говорит о существовании у шимпанзе запрета половых отношений между родственниками по материнской линии, то первый пишет лишь о вероятном преобладании половых связей вне семьи, т. е. вне группы, охватывающей мать и ее потомство⁵. И сдержанность его понятна — за все

² J. van Lawick-Goodall, Mother-offspring relationships in free-ranging chimpanzees, «Primate ethology», London and Chicago, 1967.

³ V. Reynolds, Kinship and the family in monkeys, apes and man, «Man», vol. 3, 1968, № 2, p. 211.

⁴ J. van Lawick-Goodall, Указ. раб.

⁵ V. Reynolds, Указ. раб., стр. 213.

время исследования он наблюдал у шимпанзе всего лишь четыре случая копуляции⁶. Дж. Гудолл наблюдала значительно большее число таких случаев (32)⁷. И, может быть, именно поэтому ничего похожего на выводы не только Л. А. Файнберга, но и В. Рейнолдса мы у нее не находим. Следует в этой связи подчеркнуть: когда Л. А. Файнберг утверждает, что у шимпанзе существовал запрет инцеста, он тем самым не только говорит как о доказанном факте об отсутствии у них половых связей между родственниками по Материнской линии, но и дает ему определенное объяснение. Он объясняет его наличием запрета. Однако если бы даже отсутствие половых связей между родственниками у шимпанзе было твердо установлено, то это само по себе еще не свидетельствовало бы о существовании у них запрета инцеста. Ведь возможны и иные объяснения.

Как отмечает Л. А. Файнберг, в настоящее время большинство исследователей придерживается мнения, что стадо предлюдей по своей внутренней организации ближе всего стояло к стаду павианов, живущих в саванне. Сам он не только не спорит с ними, но, наоборот, подчеркивает, что данная точка зрения находится в полном соответствии с имеющимися фактами. Но как указывают исследователи, стада павианов, живущих в саванне, являются почти полностью замкнутыми объединениями. С. Л. Уошбери и И. Девор за 1200 часов наблюдения лишь два раза столкнулись со случаями перехода самцов из одного стада в другое. Как они утверждают, для стада павианов характерен инбридинг, т. е. близкородственное скрещивание⁸. Но если дело обстоит именно так, то все сказанное Л. А. Файнбергом в первой части статьи теряет смысл. Ведь получается, что в предчеловеческом объединении не только не было никаких тенденций к «экзогамии», но, наоборот, оно было чуть ли не полностью «эндогамным».

И неудача, постигшая Л. А. Файнберга, на наш взгляд, не случайна. Она обусловлена ошибочностью самой идеи поиска истоков социального в объединениях животных. В действительности, между обществом человека, с одной стороны, и объединениями животных, с другой, существует коренное, качественное отличие.

Человеческое общество всегда существовало и существует как совокупность отдельных, конкретных обществ. Каждое из них имеет своим фундаментом определенную систему производственных отношений. Производственные отношения, как известно, материальны, объективны. Соответственно материальной является и их система. Как и любое другое материальное явление эта система функционирует и развивается независимо от воли и сознания людей. Наличие в основе любого конкретного общества такой материальной системы с неизбежностью превращает его в особый организм, развивающийся по законам, отличным от законов развития живой материи. Именно это и дает основания говорить об общественном развитии как новой, высшей форме движения материи, отличной от биологической.

Что же касается объединений животных, то их возникновение и развитие представляет собой не самостоятельный процесс, идущий по своим специфическим законам, а всего лишь момент эволюции того или иного биологического вида, безраздельно определяемой законами биологии. Ни с какой другой, более высокой, чем биологическая, формой движения материи мы здесь не сталкиваемся.

⁶ V. Reynolds and F. Reynolds, Указ. раб., стр. 419.

⁷ J. Goodall, Указ. раб., стр. 449.

⁸ S. L. Washburn and I. De Vore, Social behavior of baboons and early man, «Social life of early man», Chicago, 1961, p. 95; I. De Vore and K. R. Hall, Baboon ecology, «Primate behavior», N. Y., 1965, p. 38.

Наглядно можно это видеть на примере обезьян. У них не обнаруживается никакой зависимости между положением вида на эволюционной лестнице и формой существующего у него объединения. Прочные и постоянные объединения, состоящие из самца, самки и детенышей, наблюдаются не только у гиббонов, принадлежащих к семейству человекообразных обезьян, но и у стоящих значительно ниже их по эволюционному уровню долгопятов и даже некоторых видов лемуринов (полуобезьян)⁹. С другой стороны, у остальных антропоидов таких объединений не обнаружено. Общие стада существовали и у горных горилл, и у значительного числа низших обезьян, и у части полуобезьян¹⁰. У некоторых обезьян Нового Света встречается форма организации, очень сходная с той, что была детально изучена у шимпанзе¹¹.

Все это неопровержимо свидетельствует, что разные формы объединений, существующие у обезьян, не выступают по отношению друг к другу как высшие и низшие, что их нельзя рассматривать как последовательно сменяющиеся звенья эволюционного процесса. Объединения обезьян не имеют собственной истории развития, отличной от истории развития вида. В противоположность конкретным человеческим обществам они не представляют собой особых организмов, имеющих собственные законы развития, отличные от законов эволюции биологических видов.

Таким образом, если под социальным понимать особую форму движения материи, качественно отличную от биологической (а такое понимание является единственно научным), то ни о каких социальных связях или даже их зародышах в животном мире вообще, у обезьян в частности, говорить не приходится.

Возвращаясь теперь к экзогамии и материнскому роду, подчеркнем, что мы их находим в готовом, сформировавшемся обществе человека современного типа. А это общество отделяет от стада обезьян не только глубокая качественная грань, но к тому же еще один миллион лет развития первобытного человеческого стада и по меньшей мере четыре миллиона лет существования стада предлюдей. Поэтому любая попытка найти истоки институтов сформировавшегося человеческого общества (экзогамии, материнского рода и т. п.) в обезьяньем стаде, на наш взгляд, заведомо не может увенчаться успехом.

Это, конечно, ни в малейшей степени не означает, что мы отвергаем возможность и необходимость использования данных об отношениях, существующих в объединениях обезьян при решении проблемы социогенеза. Ценность этих материалов несомненна. Без них невозможно ни реконструировать отношения, существовавшие в объединениях предлюдей, ни воссоздать картину перехода от предчеловеческого стада к первобытному человеческому. Они могут и должны быть использованы и при исследовании первобытного человеческого стада, но только постольку, поскольку оно представляет собой еще не подлинный социальный, а биосоциальный организм. Но для понимания структуры и развития сформировавшегося человеческого общества эти материалы не могут дать ничего.

Ю. И. Семенов

⁹ F. Bourlière, Patterns of social grouping amongst wild primates, «Social life of early man», p. 5, 8—9.

¹⁰ Там же, стр. 3, 7—9; G. B. Schaller, The mountain gorilla: ecology and behavior, Chicago, 1963.

¹¹ F. Bourlière, Указ. раб., стр. 6.